

ПЕТР ПАВЛЕНКО

СЧАСТЬЕ

РЕДАКЦИЯ

Издательство АСТ
Москва

Серия «Сталинские лауреаты»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Счастье

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

«Дружище!

Я получил письмо от Александры Ивановны Горовой.

Вот несколько строк о тебе:

«Знаете ли Вы, где Воропаев? Он был тяжело ранен и эвакуирован в тыл.

Говорят, его отпустили в бессрочный, но толком мы так ничего и не знаем. Он всех нас забыл.

Если разузнаете, где он и что с ним, черкните мне немедленно. Номер моей полевой почты — прежний»

Воропаев скомкал письмо и бросил его за борт. Пароход подходил к молу. Вечерело. Горы были уже в тени. Отливая всеми оттенками синего, они необыкновенно картинно висели над городом, похожие на низкие грозовые тучи. Серые массивы садов вокруг города напоминали клубящийся у входа в ущелье туман, а резкие тени облаков на склонах гор — широкие, тёмные овраги.

Эмалева вода маленькой бухты отражала в себе и синюю — в переливах — тучу гор, и нежный цвет неба, и ещё что-то глубокое, тонкое и прекрасное, что незримо глядело в море сверху, — может быть, музыку, доносившуюся из дальних домов, может быть, запах лесов, душно ниспадающий на воду, или просторный и могучий голос поющей по радио женщины, который так вольно реял над землёю и морем и был так родственен пейзажу, что, казалось, принадлежит существу, обитающему где-то здесь, между гор.

Ещё издали, как только пароход стал осторожно входить в бухту, Воропаев увидел обезображенную набережную, разрушенный морской вокзал и исковерканный бомбами мол. Он невольно поморщился: чувство боли уже не раз овладевало им и в Сталинграде, и в Киеве — везде, где он видел след немца.

Мол и набережная, где до войны к прибытию теплохода из Одессы или Батуми собирались весёлые, шумные толпы и звучала речь на добрых шести языках, были безмолвны.

Несколько немецких дотов из ноздреватого ракушечника выпячивалось на месте шумных «поплавок». У берега валялись обломки десантной баржи.

«Не сюда нужно было ехать», — с тоскою подумал Воропаев, озабоченно прикидывая, где же, собственно, он остановится и с чего начнутся его первые шаги в этом, так на себя не похожем, полуживом городке.

— Мёртвый город, — обернулся к нему капитан, разглядывавший берег, как вновь открытую гавань, и махнул рукой.

Воропаев перегнулся с капитанского мостика.

Человек полтора ста пассажиров, переселенцев с Кубани, истошно крича и толкаясь, волновались у трапа.

Из трюмов выгружали коров. Нелепо покачиваясь в воздухе на тросах подъёмных кранов, они испуганно мычали.

Казачки в высоко подоткнутых юбках сновали по молу, на разные лады успокаивали перепуганную скотину, волочили в завязанных мешках поросят, в лукошках — кур, подбрасывали на руках обомлевших от морской качки ребят или степенно выносили, под насмешки мужчин, вазоны с разлапистыми фикусами, неизвестно зачем привезёнными.

— Яке ж тут лихо? — несмело оглядывая горы и море, говорил пожилой казак, обращаясь к молодой женщине, очевидно невестке. — Лихо баби на

печи, шо пич высоко... А тут, бачь, декабрь на двори, а показывает вроде на май...

Женщину это не утешило. Она шумно потянула носом, готовясь заплакать.

— Таманские, старостеблиевские, славянские!.. Регистрироваться!.. Инвалиды, до Стойко!.. Солдатки, сюда!..

— Эй, Степаныч! — крикнули с мола старику. — Чого ж ты!..

И он засуетился, закивал головой и, робко поглядывая на окружающих, стал спускаться по трапу.

— Робинзоны, мать их за хвост! — сказал капитан. — И кой чорт их понес?.. Вы что, тоже с ними, товарищ полковник? — спросил он.

— Нет, я сам по себе, — сквозь кашель ответил Воропаев, не договорив, однако, зачем он, собственно, сюда прибыл.

Сказать, что приехал из госпиталя в долгосрочный отпуск с намерением получить домишко, показалось как-то неудобно, хотя таких, как он, с костылями, с золотыми и красными нашивками за ранения, на пароходе было, как он заметил ещё вчера, несколько человек.

— Местные сами? — поинтересовался капитан.

— Вроде как местный, — чтобы отвязаться, ответил Воропаев.

— Ну, тогда ещё так, тогда ничего. А то разве тут жизнь? Да вы не торопитесь сходить, — сказал он, заметив, что Воропаев намерен был уже спускаться с мостика. — Собыют с ног и задавят за милую душу. Ногу недавно, видно, потеряли, гляжу я. Нет ещё привычки к протезу... И чего, спрашивается, едут, какое такое переселение, с какой стати? Тут лишнего гвоздя не найдёшь, война всё взяла, а они — то им подай, это выложи... К зиме разбегутся, я вас уверяю. Мыслимое ли дело воздвигнуть жизнь на голых камнях? Это же блажь! Ерунда!.. Цыганство какое-то!

Не слушая капитана, Воропаев стал осторожно спускаться с мостика, левой рукой опираясь на костыль, а правой держась за поручень. Матрос помог ему снести по трапу чемодан и рюкзак, и Воропаев с радостью ощутил под ногой землю. Приятно закружилась голова. Покашливая, он тихо двинулся к городу.

На молу и на площади, у развалин морского вокзала, — где до войны помещалась контора Союзтранса и царило постоянное оживление, — было теперь совсем безлюдно.

Набережная открылась нежилыми развалинами.

Город передвинулся в сторону, дальше от моря.

В комитете партии, тоже очень тихом, с моргаликами на столах в пустых и ободранных, когда-то великолепных комнатах, несказанно удивились, услышав, что больной и одноногий полковник приехал на отдых, но не с путёвкой, — это было бы ещё полбеда, так как один или два санатория уже работали, — а просто так, сам по себе, одиночкой, с намерением получить здесь в аренду маленький домик и жить, как придётся.

И, наверное, только этому общему удивлению обязан был Воропаев тем, что о нём немедленно доложили секретарю райкома Коротову. Тот, выглянув в приёмную и взяв Воропаева под руку, повёл его к себе в кабинет, усадил в кресло и подозрительно взглянул ему в глаза, раньше чем прочёл документы прибывшего.

Лицо Коротова, жёлтое и морщинистое, выглядело больным, и во взгляде, которым он встретил странного посетителя, чувствовалось недоумение, почти тревога. Лицо не казалось симпатичным. Вялое, малоподвижное, оно не располагало к себе с первого же взгляда.

— Вы меня не за жулика ли считаете?

Секретарь поднял брови, не отвечая.

— Признаться, вы у меня первый такой, — сказал он потом, несколько раз перечитав все воропаевские бумаги. — С чего же начнёшь, полковник? — любопытствовал он и сам же себе ответил, как бы не заметив воропаевского смущения: — Для начала тебе хорошо бы устроиться на ночлег. Раз! Потом поест. Два! Но это, друг, уже не сегодня. Горячее едим разок в день. Ты, значит, места здешние хорошо знаешь? — И снова не дождал ответа. — Ну вот, тогда сам и выбирай, чего душе твоей угодно. Работать намерен или на пенсии будешь сидеть?

Расспрашивая, секретарь глядел на Воропаева недружелюбно-подозрительно, и в глазах и во всём его облике сквозила явная боязнь неприятных осложнений, которые неизбежны с этим нелепым полковником, приехавшим отдыхать, когда ещё не кончилась война, и претендующим на дом и сад, будто он был по крайней мере трижды Герой Советского Союза. А сам Кoryтов жил в квартире без стёкол.

— Выслушай меня, товарищ Кoryтов, — сказал Воропаев, осторожно забирая свои бумаги из секретарских рук. — Скажу тебе сразу: я, видно, свалил дурака, приехав. Это я вижу. Но в общем попробую устроиться так, чтобы не висеть на тебе.

— На мне ты висеть не будешь, я это в один момент ликвидирую, — убежденно, с неприязнью в голосе, перебил его секретарь, — а главное — виси не виси, а толку тебе от этого никакого.

— Понимаю, понимаю. Значит, я сначала попробую найти себе угол, а потом зайду, поговорим о работе.

— Прокурором не пошёл бы? — думая о чём-то своём, спросил Кoryтов. — А с лекторским делом у тебя как? Работа, сам знаешь, не пыльная, особливо загружать не буду, а всё-таки паёк, и то и сё... Оформляйся лектором. Журина! — крикнул он то-ропливо. — Позови кого-нибудь из кадров!.. Беда,

телефонов нет. Голосовая связь, брат, как в рукопашном бою...

В кабинет никто не вошёл, и Корытов тем же торопливым движением, каким он брал у Воропаева бумаги, развернул на письменном столе потрёпанный и расчерченный цветными карандашами план города.

— Можете выбирать, — щёлкнул он пальцем по юго-западной части города, по знаменитому Чайному холму, граничащему с парком богатого, когда-то удельного имения. — Или вот тут, — махнул он рукой на юго-восток, вдоль шоссе, где начинались виноградные плантации очень крупного винодельческого совхоза, меж которыми рассеяны были частные дачки и небольшие дома отдыха.

— Дома, сам понимаешь, битые, требуют восстановления, и как ты справишься с этим делом, я не знаю, помочь тебе нечем, сам понимаешь... Был бы у меня народ, тогда ещё так-сяк, а то у меня, понимаешь, никого нет... Жуткое дело!

И, сразу отвлекшись от частного воропаевского вопроса, который он, безусловно, считал вздорным, Корытов беспокойно заговорил о делах своего района, и худое лицо его с тревожно-подозрительным выражением уставших глаз заметно оживилось.

Он заговорил о том, что беспокоило его настолько сильно, что он ни о чём другом давно уже не мог думать. Мысли его вертелись только вокруг тех неразрешимо трудных вопросов жизни, разрешить которые он был обязан в самое ближайшее время. Из центра, не ожидая, пока он выйдет из тупика, уже сваливали на него другие дела, решение которых зависело от решения первых (ещё не решённых), и он по опыту знал, что не сегодня-завтра на его плечи свалятся ещё какие-то третьи, пятые, восемнадцатые проблемы, зависящие от проблем вторых, четвёртых и семнадцатых, и понимал, что ни отдалить их, ни взвалить на кого-нибудь другого он не имеет права.

И потому раздражение не оставляло его даже во сне. Он и спал, отругиваясь или нападая.

Рассказывая, Кoryтов подобрел, хотя то, что он говорил, было совсем нерадостно, но дело-то как раз в том, уверял он Воропаева, что нет на всём Черноморье другого района с такими замечательными перспективами, как его, корытовский, и что только сушие пустяки мешают ему, Кoryтову, подобраться вплотную к этим перспективам.

В это время дверь в кабинет без стука приоткрылась, и худенькая, невысокого роста женщина в белой официантской куртке и в мягких войлочных шлёпанцах внесла поднос со стаканом чая и омлетом из яичного порошка на маленькой тарелочке.

Она вошла и, увидев постороннего, остановилась, неодобрительно взглянув на него. Воропаев сразу же заметил её неодобрение, и на секунду его удивлённый и её неприязненный взгляды скрестились, породив взаимное смущение. Продолжая рассказывать, Кoryтов махнул рукой, чтобы она поставила поднос на край письменного стола, и показал ей, не переставая говорить, два пальца, давая понять, что требует ужин и для гостя.

Едва уловимым кивком головы женщина ответила, что второго ужина нет, и повела своими строгими серыми глазами в угол, в сторону шкапчика. Кoryтов, заметив её взгляд, опять разрешительно помахал рукой и снова показал ей два пальца.

Он всё продолжал рассказывать, что район безлюден, а женщина, неслышно ступая по полу, достала из шкапчика начатую бутылку вина и два стаканчика с перетянутыми талиями — из каких в Иране пьют чай, а в Грузии только вино, — поставила то и другое на стол и, прислонившись к стене, стала ждать, когда Кoryтов кончит говорить.

— Но, будучи раз покорена, природа, ты понимаешь, не может оставаться без человеческого воздей-

ствия, — продолжал Кoryтов, наливая вино в стаканчики, разрезая вилкой на две половины омлет и жестом приглашая Воропаева, чтобы тот выпил и закусил. Он, наверно, боялся остановиться, чтобы Воропаев, чего доброго, не ушёл.

— Виноградная лоза — что корова. Корову мало, брат, кормить, ей ещё и ласка нужна. Ты её гладь почаще, и она тебе литрами отдаст. Лоза, заметь себе, точно так же. Не обкопаешь её вовремя, не обрежешь, не опрыскаешь — ни черта не получишь. И сорт не в сорт, и ягоды, понимаешь, с клюкву. А главное, один тут комбайн — руки. Всё вручную, как при царе Горохе.

Воропаев, внимательно слушая, несколько раз хотел было нагнуться и достать из рюкзака банку мясных консервов, но Кoryтов каждый раз удерживал его почти силой.

— Воды, воды нет! Жуткое дело! — всё более озлобляясь на условия местной жизни, продолжал он неутомимо. — Ты вот, друг милый, приехал поправляться, тебе одно — красота, горы, цветы, море, а это — только губы накрашены, брови подведены. На самом же деле положение — хуже не бывает.

Воропаев мельком взглянул на женщину у стены. её бледное, но по рисунку энергичное и чем-то необъяснимо обаятельное лицо было равнодушно к рассказу. Серые глаза под тёмными, резко прореченными бровями исконной казачки спокойно разглядывали гостя.

— Ты понял теперь меня? Послушай — топлива нет, транспорта нет... было в районе более тысячи машин, сейчас пять «трофеек» без резины. Света нет. Жуткое дело!

Слушая Кoryтова, Воропаев постепенно начал понимать, какое нелепое, странное и даже обидное впечатление должен был произвести на Кoryтова приезд по личным делам заслуженного коммуни-

ста — правда, четырежды раненного, с обрубком левой ноги и с туберкулезом лёгких, но все-таки способного ещё многое сделать, а вместо того мечтающего о какой-то дурацкой хуторской жизни.

Он взглянул на разозленное лицо Кoryтова, чтобы прикинуть, к нему ли лично относится негодование секретаря, но, ничего не решив, поднялся и стал прощаться.

Не удивляясь тому, что гость уходит, и не удерживая его, Кoryтов тряс его руку, досказывая о чём-то своём.

Женщина отделилась от стены и собрала на поднос два винных стаканчика, тарелочку из-под омлета и пепельницу, наполненную окурками.

Из всего разговора она поняла только одно, что приезжему — хоть он и с орденами, и в больших чинах, и собою видный мужчина, — что ему придётся плохо. Его лицо с зеленовато-восковой кожей, синие окраины глаз и блестящие, точно всё время возбуждённые глаза говорили, что человек болен, и болен сильно. Она вздохнула и бесшумно вышла из комнаты.

Кoryтов крикнул вслед Воропаеву:

— Дня через три ты обязательно выступи для партактива. Что-нибудь о черкасовском движении. Ладно?

— А ты вообще-то людей часто собираешь? — с порога спросил Воропаев.

— Не особо. И негде, и некогда, да и с питанием, знаешь, жуткое дело. Это, брат, сказывается на настроении.

— Ещё бы! Это я по себе чувствую, — сказал Воропаев.

Кoryтов беспомощно развел руками.

В приёмной (когда-то, очевидно, гостиная богатого особняка) было почти темно. Моргалик чадил из последних сил.

— Вы бы оставили у нас вещи, — сказал кто-то из темноты. — Я запрю, никто не украдёт.

— Кто это?

— Я, Лена, — ответил голос, и Воропаев понял, что это та самая худенькая женщина, что подавала ужин.

Оставив у неё чемодан, но взяв с собою рюкзак, где было кое-что из съестного, Воропаев вышел из особняка.

Было так темно, что дома сливались с воздухом. Он остановился — приучить глаза к мраку. От земли веяло сыроватым теплом. Где-то вдали слышались голоса. Очевидно, из порта шла партия переселенцев. Размеренно похрапывал прибой. И по этим звукам Воропаев в состоянии был определить лишь то, что море слева от него, а голоса и, значит, улица — справа. Но двинуться он не мог, потому что не разбирал, где дома, а где мостовая. На его ручных часах со светящимся циферблатом было около двенадцати, до рассвета добрых четыре часа. Он не знал, что предпринять.

— Вы что, заблудились? — белая куртка Лены неясно мелькнула рядом с ним. — Куда вам?

— В колхоз, — сказал он первое, что пришло на ум. — Должно быть, я там и переночую.

Ему показалось, что она пожала плечами, но, конечно, в темноте он не мог этого видеть.

— Мне тоже в ту сторону. Пойдёмте, я доведу, — сказала Лена.

Воропаев смело шагнул за ускользящим от него белым пятном куртки. В своих мягких войлочных туфлях женщина двигалась настолько бесшумно, что Воропаев почти не ощущал её соседства с собою, одно её дыхание напоминало ему, что кто-то рядом.

— Дайте-ка мне руку, а то вы как привидение, — улыбнувшись, сказал Воропаев и услышал негромкое предупреждение:

— Смотрите, не разбейтесь. На фронте целым остались, а у нас смертельную аварию получить можете.

— Бывает. Пойдёмте тише. Задыхаюсь я.

Рука об руку, они медленно, точно гуляя, поднимались вверх по улице, густой и пахучей, как аллея. Мёртвые дома безгласно стояли по бокам.

Пахло отсыревшей старою гарью, и ни одно движение, ни один звук не давали о себе знать слуху, донельзя напряжённому в столь неестественной тишине.

— Даже собак — и тех не слышно, — прошептал Воропаев. — И те ушли.

— Будете у нас жить? — спросила Лена.

— Придётся.

— С семьёй или одни?

— Семья у меня — один сынишка семи лет. Ради него всю эту чепуху с переездом на юг задумал.

— Прихварывает?

— Да, — неохотно ответил он, чувствуя, что интерес, проявленный к нему этой женщиной, идёт не от сердца, а от желания завтра обо всем информировать своего Кoryтова. — Плоховато вы тут живёте. Этот Кoryтов ваш... — он закашлялся и остановился, — не нравится мне он, должен сказать.

Она перебила, тряся его руку:

— Не мог он вас, товарищ полковник, к себе пустить ночевать, ну, не мог, поверьте. В одной комнатёнке — он, жена да двое мальчишек, спят на чём придется.

— Да нет, чёрствый он какой-то. Что же, в райкоме нельзя было устроить?

— Ничего он не чёрствый, — убеждённо сказала женщина. — Да разве на вас угодишь? Едут и едут, одно — давай и давай: тому дачу, тому дворец, тому — не знай что... А кто б спросил, как мы-то живём! Хлеб через два дня на третий выдают,